

А.С. ПУШКИН

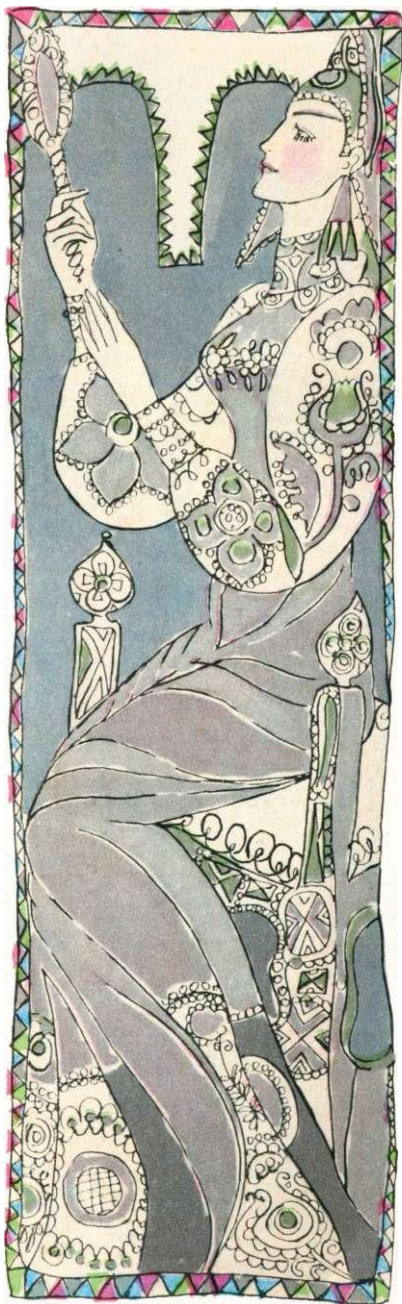
СКАЗКА
О МЕРТВОЙ
ЦАРЕВНЕ
И О СЕМИ
БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.

Ждет-пождет с утра до ночи,
 Смотрит в поле, инда очи
 Разболелись, глядячи
 С белой зори до ночи;
 Не видать милого друга!
 Только видит: ввётся вьюга,
 Снег валится на поля,
 Вся белёшенька земля.
 Девять месяцев проходит,
 С поля глаз она не сводит.
 Вот в сочельник в самый, в ночь,
 Бог даёт царице дочь.
 Рано утром гость желанный,
 День и ночь так долго жданный,
 Издалеча, наконец,
 Воротился царь-отец.
 На него она взглянула,
 Тяжелёшенько вздохнула,
 Восхищенья не снесла
 И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
 Но как быть? и он был грешен;
 Год прошел, как сон пустой,
 Царь женился на другой.
 Правду молвить, молодица
 Уж и впрямь была царица:
 Высока, стройна, бела,
 И умом, и всем взяла;
 Но зато горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.
 Ей в приданое дано
 Было зеркальце одно;
 Свойство зеркальце имело:
 Говорить оно умело.
 С ним одним она была
 Добродушна, весела,
 С ним приветливо шутила
 И, красуясь, говорила:

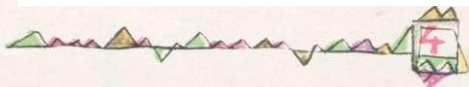

«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами.
И вертеться подбочась.
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла.
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь.
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилась с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,

Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врѣшь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь, какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всѣм меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир: мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всѣ ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Чѣрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чѣрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!

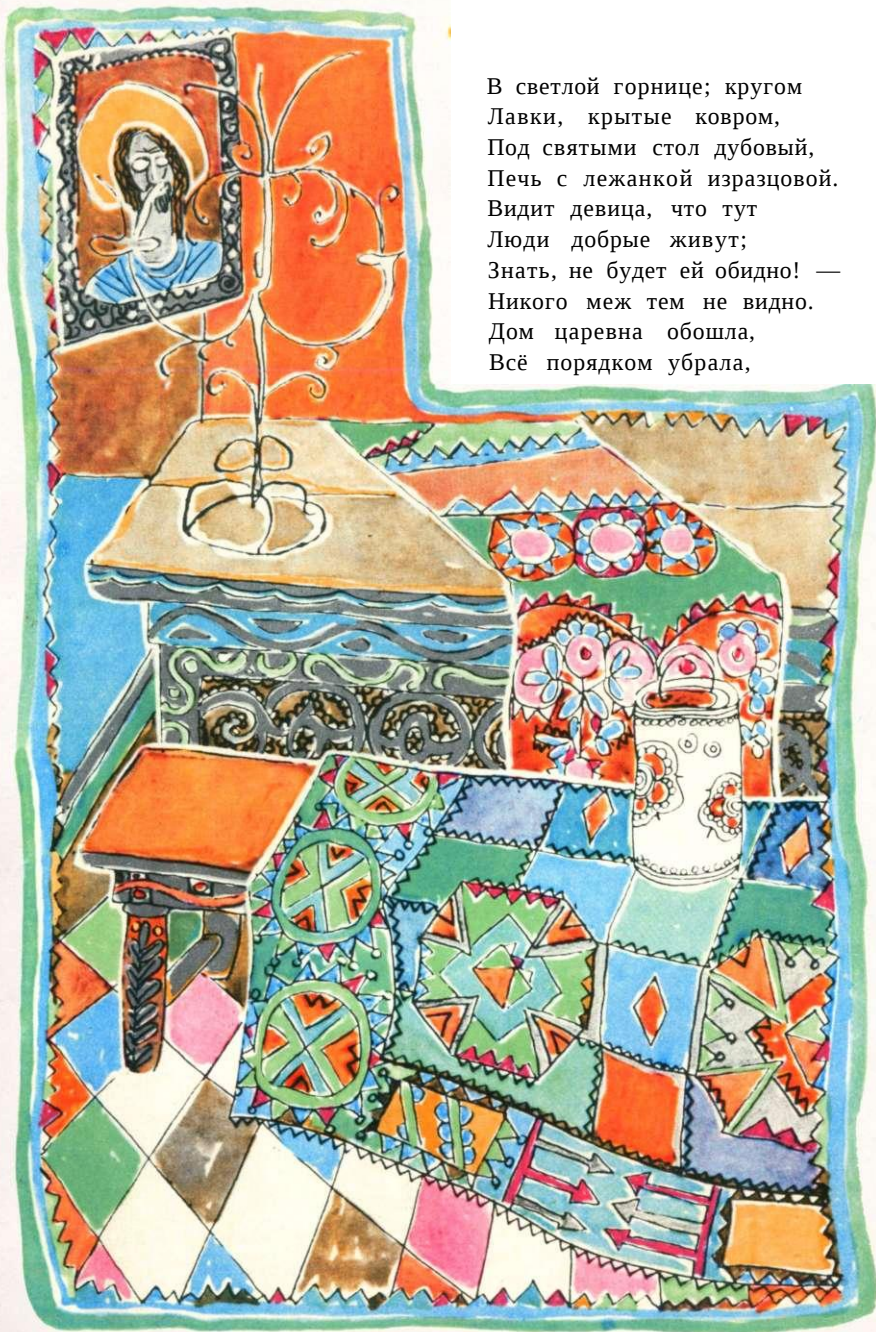
А как буду я царица,
Я пожалую тебя.
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?» —
«Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помялась усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она —
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялась на крыльцо
И взялась за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась

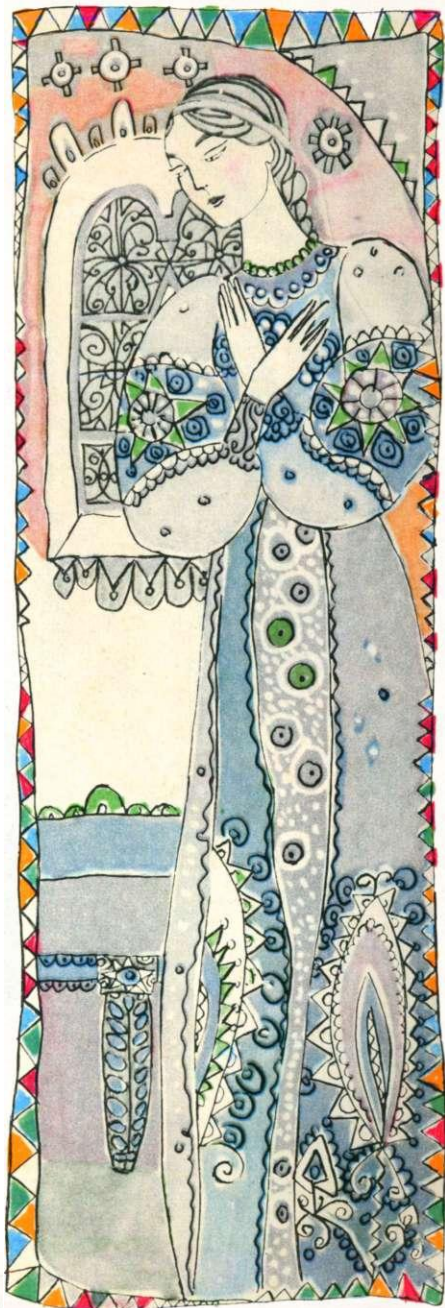
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! —
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,

Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в росте к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали,
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила
Да кусочек прикусила,

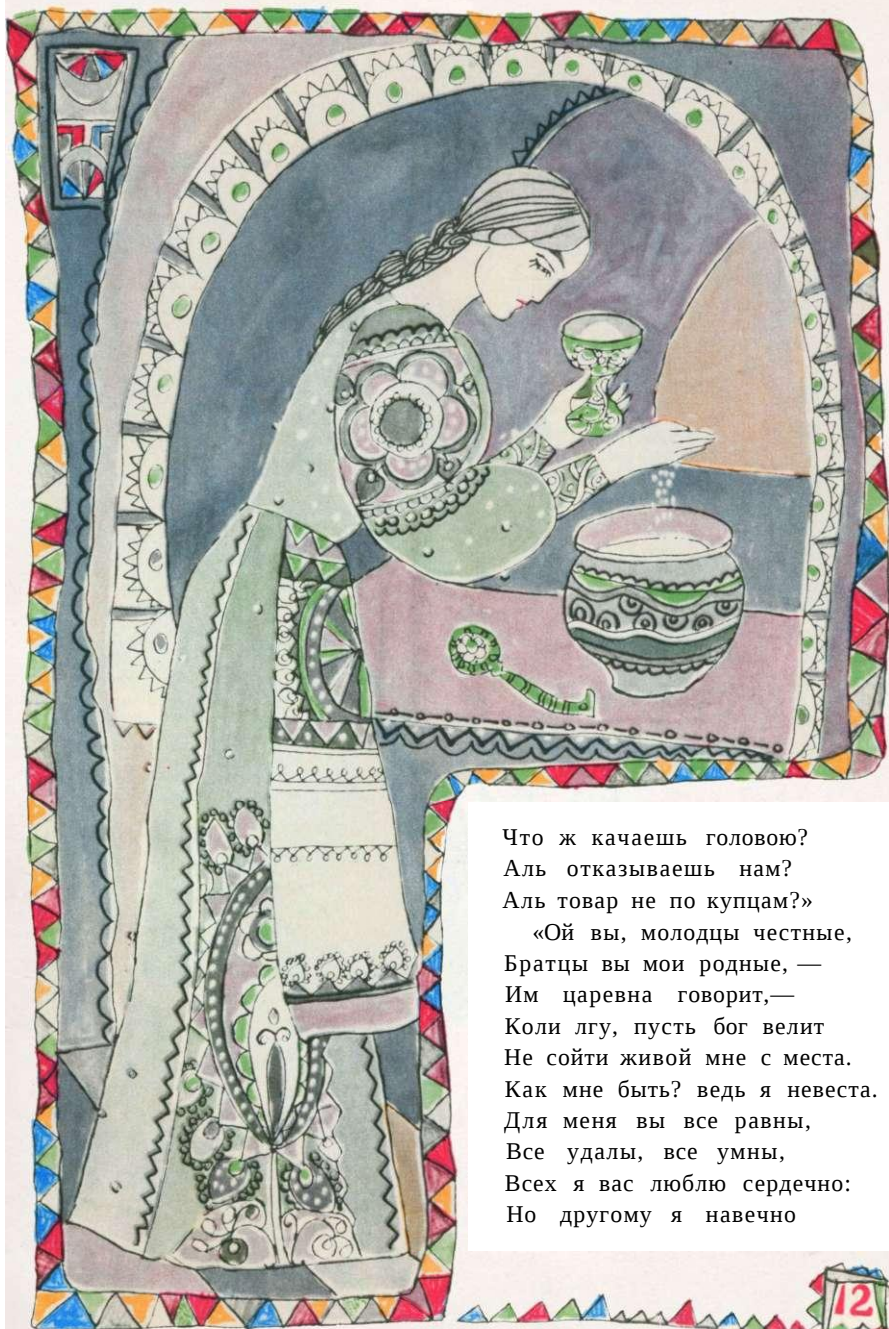
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днём идёт, мелькая.
А царевна молодая
Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады.
Да нельзя, так, бога ради,
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.

Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

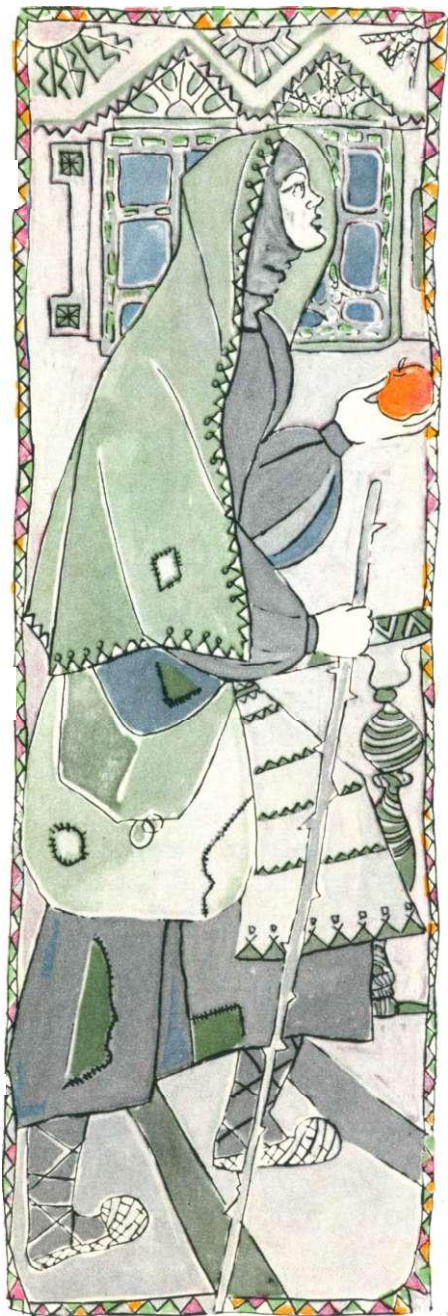
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно:
Но другому я навечно

Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей.

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил, поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся. —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина». —
Женихи ей поклонились.
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,
Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей». —
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!..»
Та призналася во всём:

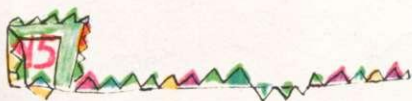

Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,
Ей кричит она в окошко,—
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко, девица!
Пёс проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Видь ко мне». Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдёт старуха к ней.
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо,—
Ей царевна говорит, —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую, — сказала, —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое

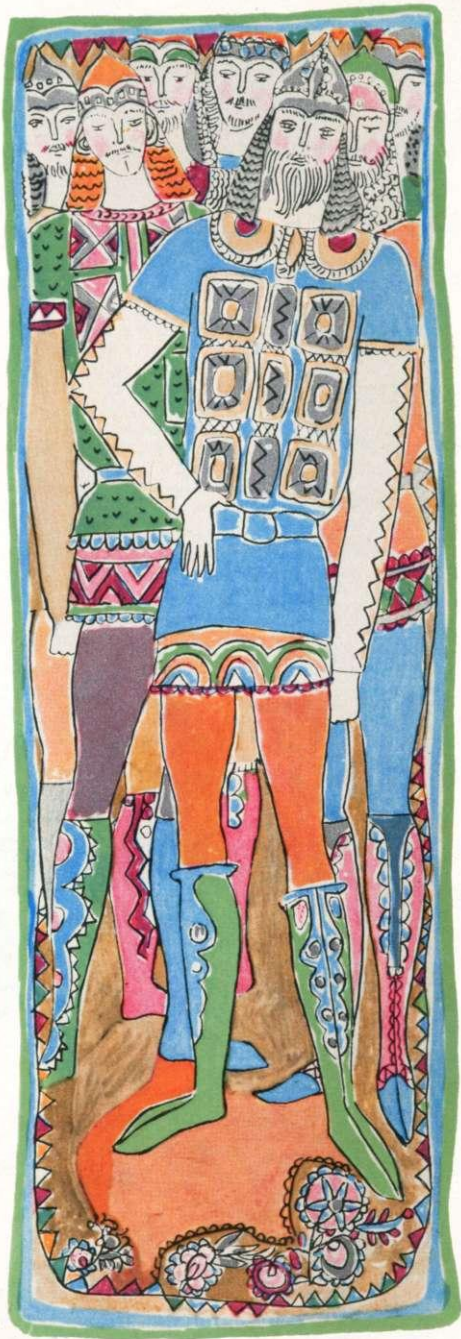
Прямо яблочко летит...
 Пёс как прыгнет, завизжит...
 Но царевна в обе руки
 Хватъ — поймала. «Ради скуки
 Кушай яблочко, мой свет—
 Благодарствуй за обед...» —
 Старушечка сказала,
 Поклонилась и пропала...
 И с царевной на крыльцо
 Пёс бежит и ей в лицо
 Жалко смотрит, грозно воет,
 Словно сердце пёсье ноет,
 Словно хочет ей сказать:
 Брось! — Она его ласкать,
 Треплет нежною рукою;
 «Что, Соколко, что с тобою?
 Ляг!» — и в комнату вошла,
 Дверь тихонько заперла,
 Под окно за пряжу села
 Ждать хозяев, а глядела,
 Всё на яблоко. Оно
 Соку спелого полно,
 Так свежо и так душисто,
 Так румяно-золотисто,
 Будто мёдом налилось!
 Видны семечки насквозь...
 Подождать она хотела
 До обеда; не стерпела,
 В руки яблочко взяла,
 К алым губкам поднесла,
 Потихоньку прокусила
 И кусочек проглотила...
 Вдруг она, моя душа,
 Пошатнулась, не дыша,
 Белы руки опустила,
 Плод румяный уронила,
 Закатались глаза,
 И она под образа

Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят — ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, зная, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили —

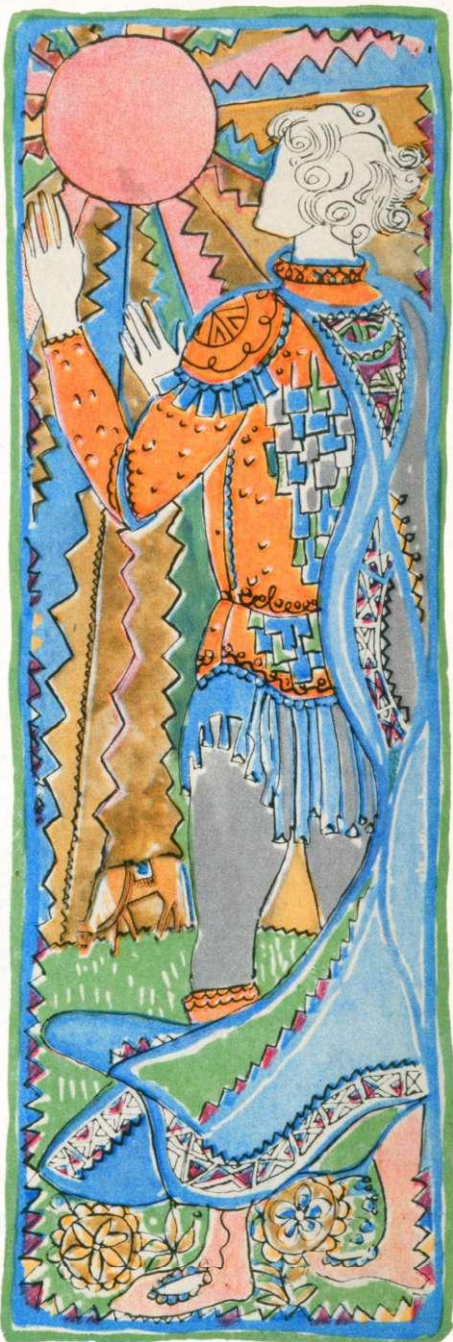

И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
 Королевич Елисей
 Между тем по свету скачет.
 Нет как нет! Он горько плачет,
 И кого ни спросит он,
 Всем вопрос его мудрён;
 Кто в глаза ему смеётся,
 Кто скорее отвернётся;
 К красну солнцу, наконец,
 Обратился молодец.
 «Свет наш солнышко! Ты ходишь
 Круглый год по небу, сводишь
 Зиму с тёплой весной,
 Всех нас видишь под собой.
 Аль откажешь мне в ответе?
 Не видало ль где на свете
 Ты царевны молодой?
 Я жених ей». — «Свет ты мой, —
 Красно солнце отвечало, —
 Я царевны не видало.
 Знать, её в живых уж нет.
 Разве месяц, мой сосед,
 Где-нибудь её да встретил
 Или след её заметил».
 Тёмной ночи Елисей
 Дождался в тоске своей.
 Только месяц показался,
 Он за ним с мольбой погнался.
 «Месяц, месяц, мой дружок,
 Позолоченный рожок!
 Ты встаёшь во тьме глубокой,
 Круглолицый, светлоокой,
 И, обычай твой любя,
 Звёзды смотрят на тебя.
 Аль откажешь мне в ответе?
 Не видал ли где на свете
 Ты царевны молодой?
 Я жених ей». — «Братец мой, —

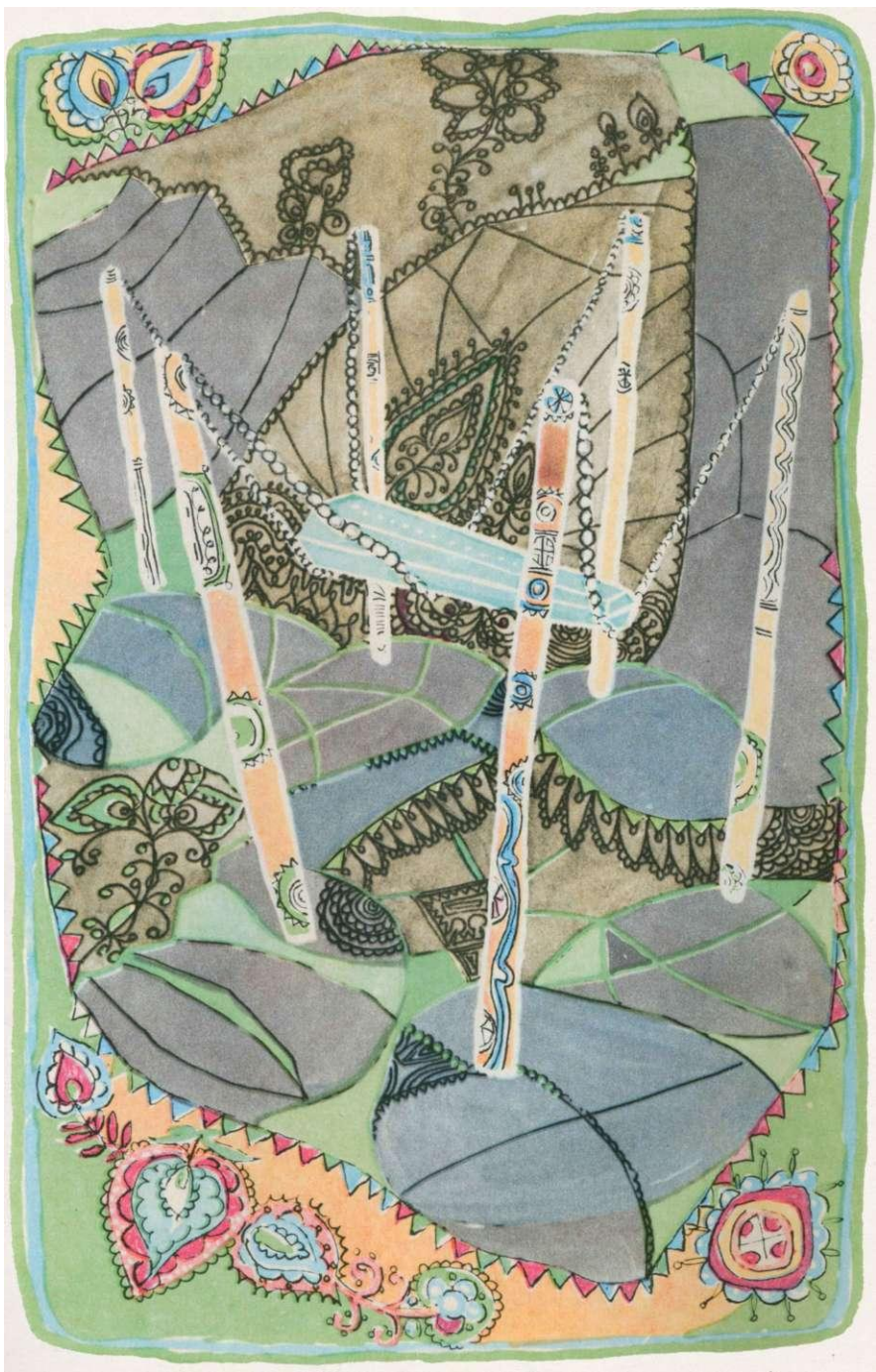

Отвечает месяц ясный, —
Не видал я деvy красивой.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня цареvна, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.

Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, зывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.

Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты цареvны молодой?
Я жених её». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побегал.
Королевич зарыдал
И пошёл к пустому месту,
На прекрасную невесту

Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг

Изумлёнными глазами
 И, качаясь над цепями,
 Привздохнув, произнесла:
 «Как же долго я спала!»
 И встаёт она из гроба...
 Ах!.. и зарыдали оба.
 В руки он её берёт
 И на свет из тьмы несёт,
 И, беседуя приятно,
 В путь пускаются обратно,
 И трубят уже молва:
 Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
 Злая мачеха сидела
 Перед зеркальцем своим
 И беседовала с ним,
 Говоря: «Я ль всех милее,
 Всех румяней и белее?»
 И услышала в ответ:
 «Ты прекрасна, слова нет,
 Но царевна всё ж милее,
 Всё румяней и белее».
 Злая мачеха, вскочив,
 Об пол зеркальце разбив,
 В двери прямо побежала
 И царевну повстречала.
 Тут её тоска взяла,
 И царица умерла.
 Лишь её похоронили,
 Свадьбу тотчас учинили,
 И с невестою своей
 Обвенчался Елисей;
 И никто с начала мира
 Не видал такого пира;
 Я там был, мёд, пиво пил,
 Да усы лишь обмочил.

Цена 18 коп.

Печатается по изданию:
А. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 3.
Издательство „Правда“. Москва, 1954
ИЛЛЮСТРАЦИЙ ТАМАРЫ ЮФА

Редактор О. А. Петтинен. Технический редактор К. М. Подбельская. Художественный редактор Л. Н. Дегтярев. Корректор Л. П. Лихачева. Сдано в набор 21/IV 1969. Подписано к печати 17/IV 1970. Бумага 60х90^{1/16}, № 1. 1,5 печ. л., 2,14 уч.-изд. л. Изд. № 82. Заказ 2101. Тираж 1 зав. 200 000. Цена 18 коп. Издательство „Карелия“. Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Типография им. Анохина Управления по печати при Совете Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. „Правды“, 4